

Тао Хуайнань каждый день ворчал перед Чи Ку, то одно не так, то другое не так, и всё это из-за избалованности. Хорошо, что Чи Ку не потакал его капризам, иначе с более терпеливым человеком он бы совсем измучил.

Действительно, он был раздражающим, но иногда, глядя своими большими, но пустыми глазами и мягко кокетничая, он мог быть очень милым.

После двух семестров Тао Хуайнань с радостью был забран домой братом, наконец-то начались зимние каникулы.

Каждое утро он просыпался и на ощупь искал брата, найдя его, обнимал за талию и нежно прижимался, а затем отправлялся искать Чи Ку. Иногда Чи Ку намеренно избегал его, двигаясь в другую сторону, куда бы Тао Хуайнань ни тянулся. Если тот слышал его, то кричал и бросался в направлении шагов, обязательно его ловя. Ведь Чи Ку не мог действительно уйти, иначе Тао Хуайнань мог упасть и удариться. К тому же у Тао Хуайнаня был помощник — старенький Дедушка Ши, который не мог бегать с ним туда-сюда, но мог медленно тянуть его за штанину, указывая направление.

Обычные дети играют в «жмурки» с завязанными глазами, а у них не было нужды в этом, ведь маленький слепой мальчик имел естественное преимущество. Они играли каждый день. Когда Тао Хуайнань находил Чи Ку, он обнимал его и с улыбкой говорил:

— Поймал!

Чи Ку с нетерпением отталкивал его, но без особых усилий, а Тао Хуайнань, обняв, не отпускал, мягко называя его по имени:

— Чи Ку.

У других детей бывает утренняя раздражительность, а у них утренняя ласка. Поскольку Тао Хуайнань уже стал менее чувствительным благодаря Чи Ку, Тао Сяодун иногда шутил с ним. Когда тот только проснулся и подошёл обнять его, Тао Сяодун мягко отталкивал его рукой и с улыбкой говорил:

— Отстань, липучка.

Тао Хуайнань надувал губы и шёл искать Чи Ку.

Обычно Тао Сяодун каждую неделю забирал детей, стараясь не выезжать в выходные, чтобы не расстраивать Тао Хуайнаня, который ждал его всю неделю. Наконец, наступили каникулы, и у Тао Сяодуна накопилось множество дел, которые нужно было решить. Он не планировал брать с собой младших, оставив их дома с няней или у Тянь И.

Тао Хуайнань никогда не капризничал в таких ситуациях, был очень понимающим и не беспокоил брата. Но когда Тао Сяодун собрал вещи и уже собирался уходить, увидев, как Тао Хуайнань спокойно сидит на диване и слушает мультики, он не смог уйти, слишком переживая за него.

В итоге он собрал ещё больше вещей и взял обоих младших с собой. Им предстояло быть в пути десять дней, и золотистого ретривера снова оставили у Тянь И.

В машине, помимо них троих, был ещё Брат Хуан, друг Тао Сяодуна, с которым он вместе вёл бизнес.

Сначала Тао Хуайнань его боялся, так как голос у него был грубый, но потом привык.

Всю дорогу брат и Брат Хуан обсуждали дела, оставив Тао Хуайнаня на попечение Чи Ку. Тао Хуайнань редко выезжал, последний раз был, когда ездил с братом в родной дом. Он вспомнил тот раз и начал болтать с Чи Ку, спрашивая, смогут ли они снова найти сосульки.

Чи Ку ответил, что смогут.

Тао Хуайнань попросил найти ему одну.

Чи Ку сказал:

— Подождём до возвращения.

Услышав их разговор о сосульках, Большой Хуан долго смеялся:

— Какой это акцент, слишком деревенский.

Тао Сяодун, сидя на переднем сиденье, тоже засмеялся:

— У нас в деревне все так говорят.

— Ты бы хоть детей нормальному научил, — обернулся к ним Большой Хуан. — Не бери пример с брата.

Тао Сяодун сделал невинное лицо:

— Я не учил, это его братишка научил.

Чи Ку говорил с деревенским акцентом. За год здесь он стал лучше, но всё ещё заметным. Когда ему говорили, что он деревенский, он не смущался, а просто продолжал делать своё.

Дети в машине быстро устают, и вскоре Тао Хуайнань замолчал. Большой Хуан обернулся и тихо сказал Тао Сяодуну:

— Уснул.

Тао Сяодун знал, что он уснёт, и уже приготовил одеяло. Голова Тао Хуайнаня упиралась в стекло окна, и при каждом толчке машины он ударялся. Услышав звук, Чи Ку подвинулся ближе к другой двери, потянув за руку Тао Хуайнаня:

— Иди сюда.

Когда тот начал двигаться, Чи Ку добавил:

— Ложись на мои ноги.

Сняв обувь и аккуратно устроившись, Тао Хуайнань быстро заснул. Чи Ку, будучи тоже ребёнком, не смог устоять против укачивания и вскоре тоже уснул.

Когда оба крепко спали, Большой Хуан снова обернулся. Один сидел, другой лежал, рука Чи Ку лежала рядом с головой Тао Хуайнаня, и они спали очень близко.

— Эй, — позвал Большой Хуан Тао Сяодуна. — Как дела?

Тот знал, о чём он спрашивает, и кивнул:

— Всё хорошо.

— Говорил, что хочет домой? — Большой Хуан посмотрел на маленького деревенского мальчишку сзади. — Похоже, характер у него не сахар.

— Не хочет домой, — Тао Сяодун тоже обернулся. — Что ему там вспоминать?

— Отец его искал? — спросил Большой Хуан.

Тао Сяодун понизил голос:

— Отец не знает.

— Ребёнок пропал, и он не ищет? — Большой Хуан поднял бровь, не веря. — Просто исчез?

Тао Сяодун сделал паузу, прежде чем ответить:

— Бабушка сказала, что он его чуть не убил, боялся полиции, сбежал на юг.

Большой Хуан не знал, что сказать, через некоторое время промолвил:

— Ну и ладно, меньше проблем в будущем.

Тао Сяодун кивнул:

— Он хороший мальчик.

— И что, будешь его воспитывать? — Большой Хуан пошутил. — Одного Хуайнаня тебе хватает, а тут ещё один.

— С ним проще, — Тао Сяодун повысил температуру в машине и улыбнулся. — Да и Хуайнань теперь без него не может.

В дороге, в отличие от дома, Тао Хуайнань боялся незнакомых мест и действительно не мог обойтись без Чи Ку. Брат не мог всё время держать его за руку, у него были дела. Единственный, кто мог быть с Тао Хуайнанем постоянно, был Чи Ку.

Чи Ку уже привык держать его за руку, и даже если он говорил, что ему надоело, руку не отпускал. Зимой было слишком холодно, и их руки быстро замерзали, поэтому Чи Ку засовывал руку Тао Хуайнаня в свой карман, где было теплее.

Зимой Тао Хуайнань одевался теплее всех, шапка и шарф были обязательны, а Чи Ку никогда не носил шарф, так как он колот лицо. Иногда, проведя долгое время на улице, его лицо становилось ледяным, и Тао Хуайнань согревал его своими тёплыми ладошками.

Он вытягивал руки вперёд, кладя ладони на щёки Чи Ку.

— Твоё лицо такое холодное, — тихо сказал он.

Самым холодным местом на лице был нос, а у Чи Ку он был высоким, поэтому он упирался им в ладони Тао Хуайнаня, согревая его.

Тао Сяодун выделил два дня, чтобы провести время с младшими, взяв их на прогулку.

Со стометровой ледяной горки Тао Хуайнань, держась за руку Чи Ку, скатывался вниз, испытывая страх и радость одновременно, прижимаясь к Чи Ку, как маленькая весёлая птичка.

Тао Сяодун оставил их и сел в зоне отдыха, наблюдая через стекло, как Чи Ку снова и снова катается с горки с Тао Хуайнанем.

Из-за проблем со зрением Тао Хуайнань редко играл в обычные детские игры, и без Чи Ку он никогда бы не решился на это. Он мог сто раз за день позвать Чи Ку.

Чи Ку уставал от его криков, говоря:

— Тише.

— А вдруг ты не услышишь? — смеясь, кричал Тао Хуайнань.

— Я услышу, — Чи Ку оттянул его в сторону, чтобы избежать столкновения с санками.

Тао Хуайнань был счастлив, обнял Чи Ку и, подпрыгивая, сказал:

— Горка такая классная, хочу ещё.

Чи Ку, раздражённый его прилипчивостью, нахмурился:

— Отпусти.

Тао Хуайнань отпустил, но продолжал держать его за руку, снова и снова называя его по имени.

После целого дня игр оба устали, и в машине они оба выглядели вялыми.

Вернувшись в отель, они поужинали, помылись и легли спать. Тао Сяодун, наконец, получил немного покоя, и, увидев, что оба спят, вышел из комнаты, чтобы обсудить дела с Большим Хуаном.

Перед сном всё было хорошо, но когда Тао Сяодун вернулся через два часа, он сразу почувствовал что-то неладное по дыханию. Включив свет, он увидел, что Чи Ку лежал с закрытыми глазами, щёки покраснели, а губы слегка приоткрылись. Тао Сяодун нахмурился, потрогав его лоб — он был горячим.

Тао Хуайнань ничего не замечал, его нога лежала на Чи Ку, а живот равномерно поднимался и опускался во сне.

Позвав Большого Хуана, Тао Сяодун завернул Чи Ку в одеяло и поехал с ним в больницу. Лицо было полностью закрыто, и по дороге Чи Ку проснулся, пытаясь вырваться. Тао Сяодун сказал ему не двигаться.